
АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ КАК КОМПОНЕНТА КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ

Ф.Н. Новиков

Кафедра общего и русского языкознания
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

В статье представлена интерпретация смыслового содержания цветообозначений как компонента культурных кодов, аккумулирующих социально-историческую, эмоциональную информацию национально-специфического характера, и их трансформация в зависимости от культурно-исторического контекста.

Ключевые слова: лексические единицы, культурный код, цветообозначения, аксиология, семантика, семиотическая, или знаковая система.

Аспекты исследования цвета в парадигме лингвистических наук разнообразны. Филологическим исследованиям феномена цвета, цветовосприятия, цветовой символики, названий цветов спектра и базовых цветообозначений посвящены многочисленные работы представителей различных научных школ как отечественных, так и зарубежных: К.А. Андреевой, Н.Б. Бахилиной, А.П. Василевич, С.Н. Кузнецовой, С.С. Мищенко, Р.М. Фрумкиной, В. Berlin, P. Kay, J. Bousfield, E. Rosch, M. Déribéré и др. Цвет рассматривается в сопоставительном и в типологическом аспектах, изучается этимология цветообозначений, исследуются процессы развития семантической структуры отдельных цветообозначений, формирование их образных, символических значений, становление лексико-семантических групп слов как единиц словарного состава языка.

Так как единицы языка взаимосвязаны и взаимообусловлены, они создают систему или предстают как множество языковых элементов, которые находятся в закономерных связях и отношениях друг с другом и характеризуются определенной целостностью. Каждый компонент системы существует не как единичный, изолированный, а в противопоставлении другим элементам системы. Как и другие единицы языка, лексические единицы реализуют некоторые системные отношения. И в качестве кода, и в речевой манифестации язык — «уникальный, многоплановый, полифункциональный и противоречивый феномен» [2. С. 652]. Социокультурная коммуникация между людьми предполагает символическое кодирование наблюдаемых и представляемых природных, социальных явлений и процессов в семантических знаках — понятиях, обозначениях, названиях, в том числе и цветообозначениях. Цвета сами по себе имеют свою ценность, но они не обладают смысловым значением, приобретая его лишь в контексте определенной культуры.

Одно из основных положений современной лингвистики касается интерпретации языка как семантической системы в аспекте ее функционирования. Цветообозначения в своей семантике отражают культурно-национальные стереотипы, обладают культурно-смысловой емкостью [5. С. 193], являются показателем изменений в массовом сознании, они представляют собой чрезвычайно экономные, удобно устроенные способы хранения и передачи информации.

Обратимся к исследованию аксиологического потенциала цветообозначений, их ценностно-значимым компонентам. Процесс воздействия знака на человека и его способ мышления многомерен, передача определенной информации, ценность которой (ее прагматический уровень) зависит от системной силы, которая конденсирует наиболее актуальные смыслы. Цвет как физический и физиологический феномен и цвет как социокультурный феномен, как социальный символ, хотя и взаимодействуют, принадлежат к разным областям знаний.

В языке как семиотической знаковой системе, хранящей и передающей информацию, фиксация или кодирование осмысленного опыта в форме языкового знака делает возможной передачу информации и сохранение ее во времени и пространстве. Лексика содержит тончайшие аксиологические, семантические нюансы, выражающие отношение носителей языка к своему прошлому и настоящему: «Запас текстов, кодов и отдельных знаков, который устремляется из старой культуры в новую, более молодую, отрываясь от контекстов и внетекстовых связей ... откладывается в культурной памяти коллектива как самодостаточная ценность» [5. С. 55—56].

Цвета реального физического спектра приобретают невозможную для объективного мира оценочную шкалу в диапазоне «хороший—плохой», т.е. цвет выступает как положительный или отрицательный маркер физического либо эмоционального состояния. Отличительным свойством ценностных представлений является их бинарный характер, наличие противоположных ценностных модальностей, предполагающих личный выбор и иерархичность позитивных и негативных ценностей [6. С. 3—4]. Существенно, что само смысловое содержание ценностных представлений является весьма различным и определяется в зависимости от культурно-исторического контекста. Цветообозначение, как всякое слово, пропитано «множеством текущих, изменчивых идеологических смыслов», которые обуславливают и закрепляют различные социокультурные представления и систему «ценностно-смыслового отношения к действительности» [3. С. 14—15]. Синкретическая словесно-зрительная форма цветообозначений и их коммуникативное функционирование подвергаются множеству трансформаций, вбирают в себя как предельно конкретные, так и абстрактные значения, в их основе лежат языковые структуры, в которых аккумулируется передающееся из поколения в поколение поступательное наращивание знаний, к которым стремится человечество, проникновение в глубинную структуру их связей, обусловленных целостными структурами сложных систем. Необходимо констатировать, что цветообозначения — это не поверхностная структура, ее нельзя анализировать изолированно, односторонне, в одном измерении, представление о целом, «как правило, складывается из представлений о его составляющих, о множестве частных смыслов» [1. С. 13].

Динамику цветообозначений как компонентов культурных кодов можно рассматривать как процесс, в ходе которого происходит взаимодействие индивидов с внешним миром, со своим природным или социальным окружением, что находит отражение и в устойчивых выражениях, готовых названиях, в которых для современного носителя культуры часто нет цветовой мотивации. Цветообозначения, с одной стороны, впитывают культурный опыт, опосредованный другими индивидами, а с другой — вырабатывают новые элементы опыта, т.е. создают культуру.

Самым глубинным уровнем смысла является непроявленное содержание, связывающее человека с миром ценностей, законов, образцов поведения культуры. Фиксация или кодирование воспринятого и осмысленного человеком опыта в форме языкового знака дает возможность передавать без особого искажения информацию от одного носителя к другому. Значительное место в процессе обмена информацией и знаниями занимают цветовые названия, которые своим появлением обязаны цветовому восприятию объектов первоадресатами.

Понимая культуру как «носитель информации, состоящий из знаков и знаковых систем, а также правил их использования» [1. С. 13], обратимся к типологическим исследованиям цветообозначений — от отдельных идеологем и их коннотативных смыслов, зависимых от социокультурного контекста, до формальных свойств различных знаковых систем, отражающих разнообразие и изменчивость культурных явлений, что позволяет говорить об универсальных свойствах избранного объекта исследования. Культурные коды цветообозначений отличаются друг от друга в разных языках, несмотря на то, что цвет является одним из способов фиксации и выражения в языке недискурсивных знаний, основанных на перцептивном опыте, полученном в результате чувственного зрительного восприятия. Культурные коды как ценностно-значимые образования «приобретают дополнительную сверхструктуру», как говорил Ю.М. Лотман, что позволяет с их помощью в разных ракурсах моделировать мир, в котором мы живем [4. С. 70].

Опыт коллективной жизнедеятельности людей, способствующий повышению уровня их социальной интеграции, символизация и маркировка среды обитания сообщества, выработка нормативных вариантов интерпретации собственных и чуждых культурных форм, превращение этих стереотипов восприятия и интерпретации в значимый элемент культурной традиции обусловлены богатством содержания, которое она должна хранить и передавать людям.

Во многих индоевропейских языках «независимо от конкретно того или иного корня *черный* значит почерневший от огня, т.е. цвета сажи» [7. С. 607], это связано с древним способом вырубки и сжигания леса для освобождения земли под посев. *Черный* — это цветовая характеристика «цвета сажи, угля» (черная краска, черный дым); «темный, лишенный света» (черная ночь, черный мрак); «неквалифицированный, физически тяжелый» (черная работа); «предназначенный для служебных нужд» (черная лестница) и др. Значения слова *черный* «принадлежащий к низшим сословиям, непривилегированный» (черные сотни, черные слободы) и черный «государственный, тягловый, податной» (черные люди) отражают не только определенный исторический период в истории Руси (черные люди — горожане низшего разряда, их также называли *земские люди*), но и тесно связаны с цветом как таковым.

Черная сотня, черносотенный — понятия, сыгравшие заметную роль в русской истории. Первоначально *черные сотни* — это группы низших ремесленников и торговцев, *черные слободы* — группы ремесленников, приписанных ко дворцу, *черные земли* — владения черносошных крестьян и тяглого городского населения в Русском государстве. Затем слово «черносотенный» получило значение «крайне реакционный». Анализ единиц семантического микрополя черного цвета

позволяет рассматривать его как способ познания и ментальной дифференциации окружающей среды (с обращением к оценочной шкале как в явной, так и скрытой, имплицитной форме), а также как систему символов, структурирующих человеческую деятельность, несущую комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении и об их интерпретации. Рассмотрим следующие примеры.

Черный пояс (англ. Black Belt) — регион на юго-востоке США, куда привозили рабов из Африки, в котором сейчас проживает большое количество афроамериканцев. Аналогично интерпретируется и атрибутивное сочетание Black Belt, которое использовалось для названия той части страны, где была темная и плодородная почва (ср. чернозем, англ. black earth). Позже произошла трансформация словосочетания, и с середины 1950-х гг. оно используется исключительно в геополитическом смысле, т.е. для того, чтобы обозначить округа, где «черных» (чернокожих) проживает больше, чем «белых». Это свидетельствует об изменениях, которые претерпевает американская ментальность. В процессе семантического освоения слово претерпело изменение в своем значении, и в результате актуализации новых компонентов значения цветообозначение приобрело семантическую определенность, оно дифференцируется с близкими по значению словами, занимает свою нишу в системе обозначения понятий. Появление переносных значений говорит о его включении в систему ассоциативных связей слов английского языка, т.е. black «темнокожий, чернокожий», политкорректное слово до 1960-х гг., которое затем перешло в разряд негативно окрашенной лексики. Заметим тем не менее, что в настоящее время идет процесс восстановления его содержательного статуса.

Цветообозначение black в составе профессионально маркированного словосочетания может указывать на определенные правовые обязательства субъекта информации, например: *Black letter law* — основные положения и принципы, которыми руководствуются все судьи. *Черный* цвет является маркером негативных явлений, в том числе и в сфере профессиональной деятельности: *black lung act* — федеральный закон, обеспечивающий компенсационные выплаты шахтерам, страдающим заболеванием легких, вызванным вдыханием угольной пыли.

Рассмотрим несоответствие культурных кодов в разных языках, мотивированное социокультурной ситуацией. Распространенное в современном русскоязычном дискурсе понятие «черная зарплата» противопоставляется «белой зарплате», в эту же парадигму входит «серая зарплата», что подразумевает различную степень легальности и соблюдение (несоблюдение) официальных процедур при выплате заработной платы. Здесь понятие нелегальности описано с помощью цветообозначения *black*, которое, как было сказано выше, визуально связывается с отсутствием информации, темнотой, ср.: *черный рынок*. В английском языке также существует словосочетание «*black/grey market*», имеющее аналогичный семантический компонент непрозрачности экономических отношений, однако *black wage* и *white wage* имеют другое значение, связанное с расовой дискриминацией, что отражено в термине *black-white wage inequality*. Изначально оно обозначало несправедливо низкую заработную плату, выдаваемую выходцам из Африки, но в настоящее время может быть смещено и в обратную сторону (если учитывать социальные льготы, предоставляемые им). Сравните: во французском языке эмоционально-оценочный спектр ценностного отношения лексемы «noir» (черный): *Vête noire* — предмет

особой ненависти и отвращения; *billet noir* — смерть, *four noir* — полнейший провал, полная неудача; *liste noire* — черный список; *trou noir* — безнадежность, безысходность (букв.: черная дыра); *faire du marché noir* — заниматься спекуляцией.

В системе цветообозначений существует ряд универсальных черт, поскольку они аккумулируют социально-историческую, интеллектуальную, эмоциональную информацию национально-специфического характера. Например, языковое оформление специальных терминов с помощью лексемы «red» (красный) также может указывать на отрицательную оценку: *red apple* — работник, поддерживающий хозяина предприятия своим решением не вступать в профсоюз и тем самым находящийся в оппозиции к коллективу, *red tape* — бюрократическая работа (это сочетание возникло в результате метонимического переноса, так как красная тесьма используется для скрепления официальных документов); *to be in the red* — иметь отрицательный баланс на счету в банке, на банковской карте. Требуется упомянуть и тот факт, что антонимичным является сочетание «*to be in the black*», и оно обозначает положительный баланс, но не несет в себе тех коннотаций, которые являются характерными для англо-саксонской культуры и связано с цветом чернил, которыми напечатан текст на банковском документе. Во французском языке наблюдается аналогичная тенденция в эмоциональном выражении оценочных интенций: аксиологизация цветовых лексем свидетельствует о расширении их значения, приводящем к образному представлению оценочного критерия в негативной зоне, например, для *rouge* (красный): *boule à rouge* — посредственная оценка на экзамене; *voir rouge* — прийти в ярость, рассвирепеть; *être dans le rouge* — быть в затруднительном (опасном) положении; *un rouge* — «красный», революционер; *maquer qqn au fer rouge* — заклеить (наложить клеймо).

Поскольку культуры не являются изоморфными (особенно в условиях глобализации), культурные коды обладают способностью включать в себя значения, присущие тем или иным явлениям в различных культурах, причем эти значения могут быть диаметрально противоположными. Весьма существенно в этой связи, что для русской культурно-исторической традиции *красный* в значении «имеющий окраску одного из основных цветов спектра, цвета крови» использовался очень широко: прекрасный, ясный, яркий, светлый (красно солнышко, красное лето); радостный, счастливый (красный день); парадный, торжественный (красное крыльцо, красный угол); животные, наиболее ценные для охотника (красный зверь устар.); ткани, мануфактура (красный товар, красный ряд). Ср. также: красной нитью (проходить) — выделяться в качестве основной идеи; красное словцо — остроумное, меткое слово; красная строка — первая строка абзаца; красная цена — самая высокая цена, которую можно дать за что-то. Устойчивые выражения: «на миру и смерть красна», «проходить красной нитью», «ради красного словца не пожалеет и отца» также демонстрируют, как цвета реального физического спектра приобретают невозможную для объективной действительности аксиологическую (оценочную) характеристику.

Весьма разнообразны проявления оценочного фрагмента русской языковой картины мира, представленной в диахроническом и синхроническом аспектах. Так, в советское время основным значением слова «красный» стало «относящийся к революционной деятельности, связанный с советским строем»: *красные* — солдаты

революционной армии (отряд красных) (ср.: *белые*); красный уголок — помещение для культурно-просветительской работы; красный галстук — пионерский галстук; Красная гвардия — вооруженные рабочие отряды для борьбы с контрреволюцией (ср.: Белая армия (гвардия)) и др. С полным основанием можно говорить об особой роли этого микрополя цвета в динамике культурных кодов, его однозначной эмоционально-оценочной составляющей. Ср. эмоциональное ценностное отношение, нашедшее отражение в цветовой лексеме «красный» в новейшее время, негативные оценочные компоненты: красный террор — массовые репрессии; красная зона — зона риска на фондовой бирже; Красная книга — аннотированный список редких и находящихся под угрозой исчезновения животных, растений и т.п.; красный петух — поджог, нарочно организованный пожар и др.

Лinguistic устойчивые выражения свидетельствуют о связи цветообозначений с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, историческими факторами в разных языках. Как справедливо утверждал Л.В. Щерба, «мир, который дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается по-разному в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культуры. Более того, известно, что слова разных языков, даже для более или менее тождественных понятий, часто бывают различны по своим вторичным ассоциациям» [8. С. 69].

Динамику цветообозначений можно рассматривать как процесс, в ходе которого происходит взаимодействие индивидов с внешним миром, со своим природным или социальным окружением. Все это находит отражение и в устойчивых выражениях, готовых названиях, в которых для современного носителя культуры часто не устанавливается цветовой мотивации. Роль цветолексемы в динамике культурных кодов велика. Человеческая память кодирует информацию, обрабатывает ее, превращая в культурный материал. Все это свидетельствует об обмене информацией между людьми, о наблюдаемых и представляемых явлениях и процессах, об аккумуляции социально значимых знаний и опыта, о накоплении и обобщении информации об окружающем мире и выражении разнообразных оценочных интенций и изменении оценки.

Цветообозначения как компоненты культурного кода — это особый тип культурной памяти. Они тесно связаны с культурным — социокультурным, культурно-историческим контекстом и трансформируются под его воздействием, сохраняя в свернутом виде многомерное смысловое содержание. Культурные коды цвета, как и любые другие культурные коды, условны, поэтому символика цвета может варьироваться как в диахроническом плане (при эволюции и трансформации культурных кодов во времени), так и в синхроническом (при территориальном разделении и разделении по сферам употребления, сферам знания и т.д.), постоянно актуализируя потенциальные семантические свойства цветолексем для выражения ценностных представлений.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Аймермахер К. Знак. Текст. Культура. — М., 1998.
- [2] Арутюнова Н.Д. Язык // Русский язык. Энциклопедия. — М., 1997.
- [3] Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М., 2007.

- [4] Букина Н.В. Культурный код как язык культуры // Вестник ЧитГУ. — 2008. — № 2.
[5] Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и типологии культуры. — Таллинн, 1992.
[6] Маркелова Т.В. Аксиология как квинтэссенция современности: отражение и преобразование // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи. Ч. 2. — Ярославль, 2011.
[7] Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. — М., 1997.
[8] Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. — Л., 1974.
[9] Kay P., McDaniel C. The Linguistic Significance of the Meanings of Basic Color Terms. — Berkeley: Centre for the Study of Language and Information, 1978.
[10] Dérivé M. Symbolisme et langage des couleurs. — Paris: Presses universitaires de France, 1964.
[11] Rosch E. Natural categories. — Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1973.

THE AXIOLOGIC POTENTIAL OF COLOUR NAMES AS AN INTEGRAL COMPONENT OF CULTURAL CODES

F.N. Novikov

The Department of General and Russian Linguistics
Philological Faculty
Peoples' Friendship University
Miklukho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article deals with the interpretation of semantic contents of color names that accumulates social, historic, and emotional information of specific ethnic nature, as well as their transformations depending on social and historic context

Key words: lexical units, cultural code, color names, axiology, semantics, sign system.